

УДК 93(075)

**ПО ЭТУ СТОРОНУ СОБЫТИЙ И ФАКТОВ:
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ
УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ПО ИСТОРИИ**

В.М. Бухараев

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об учебнике истории как опорном звене социополитической аккультурации, репрезентирующем сотворённую по лекалам господствующих политических классов этноцентристскую мифологию – отражение в исторических образах социальной сделки «верхов» и «низов». Особое внимание уделено анализу учебника образца 1937 года – «Краткого курса истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова, в котором впервые был явлен образец редуцированной версии истории России, призванной сыграть роль важнейшего инструмента идеологической интерпелляции всех слоёв и поколений населения в условиях советской идеократии.

Ключевые слова: стереотипы восприятия, прагматика исторического знания, политико-историческая мифология, «большой нарратив», этакратические и этноцентристские концепты, советская идеократия, бонапартистская сущность сталинизма, концепция тоталитаризма, «большой террор».

Известный методолог и крупный организатор современных исторических исследований Л.П. Репина в обобщённом виде характеризует изменения образа исторической науки в современной ситуации «стремительно пребывающего будущего»: «В сфере общественного сознания особенно рельефно обнаруживается социально-воспитательная функция и прагматика исторической науки, реализуется её мировоззренческий потенциал, познавательная и практическая ценность, задействуются механизмы её влияния на развитие общества и его отдельных групп. И наоборот, главным образом через ситуацию, складывающуюся в общественном сознании и общественном мнении, через формирующиеся в их рамках стереотипы восприятия, уровни понимания и доверия, критерии полезности, идеальные образы и горизонты ожиданий осуществляется детерминирующее воздействие социокультурного контекста на современное историческое знание и перспективы развития исторической науки» [1, с. 5].

Вот такое впечатляющее уравнение, призванное служить доказательством полезности истории. При развёртывании сей формулы неизбежно встаёт вопрос о характере и содержании прагматики исторического знания. Впрочем, вопрос риторический, поелику обер-прагматиком неизменно выступает всё тот же Левиафан, – другое дело, насколько он отображает в своих практиках интересы социума. Но в любом случае – воспользуемся здесь образом антифашиста «вообще» Эриха Ремарка – правящие политические и бюрократические классы

уж никак не напоминают спустившихся с небес марсиан. За самыми жёсткими порядками тоталитарного свойства проглядывает социальная сделка «верхов» и «низов», горизонты ожиданий последних – в качестве носителей национально-государственного сознания в его надвременном бытии – оказывают именно что детерминирующее воздействие на современное историческое знание¹. Как известно, этот сектор знания о мире бытийствует в самых различных формах, среди них наиболее прагматическую нагрузку несут учебные тексты, посредством которых осуществляется инкорпорация подрастающих поколений в систему символических социальных отношений.

В сообществах – скажем так – с весьма высоким статусом государства – концентрируемая на страницах школьных пособий политико-историческая мифология национально-державного извода приобретает особое значение, поскольку официально выверенные учебные тексты призваны минимизировать интенции к политическому и экономическому плюрализму, которые демонстрирует современное или около того массовое анонимное общество. Лучше иных теоретических построений это доказывает попытка возрождения в отечественной системе образования «больших нарративов», где в качестве предпосылочных – по сю сторону исторической фактуры – подходов мобилизуются этакратические и этноцентристские концепты, задающие образы шествующей железной поступи национально-государственной истории (см. [3, 4]). Повторение – мать учения: вновь актуализируются вопросы теории и истории исторического образования, иначе говоря – об учебнике истории как опорном звене социополитической аккумуляции.

Собственно, идея руководства в области историознания укоренена в новоевропейском проекте «народного образования», чьим содержанием является приобщение социума к единой национальной культуре на основе текстов, кодифицируемых с помощью литературного языка.

Значение системы массового образования, выступающего в роли особой государственной политики в эпоху индустриализма, образно охарактеризовал английский социоантрополог Э. Геллнэр: «У основания современного социального строя стоит не палач, а профессор. Не гильотина, а государственная докторская степень является основным инструментом и символом современной государственной власти. Монополия на законное образование важнее и существеннее, чем монополия на законное насилие» [5, с. 87].

У исторического сектора образования свои задачи. Учебник истории не может быть понят без учёта того, что он является предметом идейно-политических забот государства. Бюрократические учреждения прямо или косвенно формируют такой корпус пособий, который способствует легитимации наследуемой

¹ А.В. Хряков, интерпретируя концепцию германского историка Г. Али, известную как «Интеллектуальные предшественники уничтожения» (речь о гуманитариях, историках, которые во времена нацистского режима фактически выдвинули теоретическое обоснование Холокоста), поясняет: «Динамика национал-социалистической Германии, по мнению Али, как раз и объясняется взаимодействием нравственного падения, современной технократии и расово-экспансионистской социальной мобилизации. Благодаря этим факторам возникла общность между руководством и интеллигенцией, между исполнительной властью и народом» [2, с. 57]. Одно замечание: то, что предстаёт как нравственное падение, выступает нередко проявлением стратегии элементарного выживания интеллектуалов, что же касается «низов», которые начинают молиться «чёрным богам», как называл выплеск «низменных» инстинктов Жак Лакан, – то этот вопрос удовлетворительно не может быть взят на основе методов положительной науки.

системой исторической традиции, а также удовлетворяет – посредством генеалогической мифологии – потребность руководящих слоев в «благородном происхождении» и утверждает официально выверенную культурно-национальную идентификацию населения.

Кроме того, в учебнике воплощён акт сопряжения историописания с настойчивой дидактикой, обучающей «делать жизнь с кого». Поэтому наставление непосредственно продуцирует культуру истории – праксеологическую артикуляцию исторического сознания¹, выступающую в роли побудительного мотива выбора «правильного» варианта общественного поведения.

Разумеется, учебник не может рассматриваться только в качестве текста, осуществляющего национально-государственную презентацию и выполняющего идеологическое задание. Другие линии его полифонии подлежат специализированному истолкованию. Дидактика отслеживает меру соответствия наставления общезначимым нравственным образцам. Психотехника соотносит содержание и организацию учебного материала с эвристическими способностями «усреднённого» ученика. Учёный задерживает взгляд на том, какое отражение на страницах руководства получили достижения историографии.

К слову сказать, требования к теоретическому уровню учебника со стороны научных кругов нередко завышены. Императив: «необходимы научные книги и учебники», по сути дела, призывает авторов пособий следовать так называемому последнему слову науки. Между тем, учебник как тип текста возникает в результате педагогической редукции, перевоплощения науки в учебную дисциплину. Это – своего рода удобопонятный катехизис, предназначенный для школы – учреждения по своей природе культурно-консервативного, призванного удерживать в перипетиях научных прорывов и социополитических сдвигов устойчивое ядро ценностей, познавательных, этических и речевых. Так что «научный» учебник по своему предназначению являет собой скрипт, адаптированный к социокультурным и психоментальным особенностям учащейся аудитории и сориентированный на презентацию базовых данных науки. Основой историознания выступают биография и хронология, которые и образуют первоначальное ядро фактов и взаимосвязей. Поэтому позитивная содержательность, а не новейшие версии теоретического авангарда, – вот что, верно, должно находиться в центре внимания создателей пособий по истории.

Однако биография учебника советских времён, а также периода «августовского режима» и далее – скорее политическая, нежели педагогическая. Матрица такого учебного пособия – продукт первого послереволюционного десятилетия, в это время и закладывались основы советской идеократии. Историю надлежит рассматривать как «определённый вид идеологии, определённую форму идеологии», что «теснейшим образом связана с теми классами, которые в исторической форме говорят о своих стремлениях и чаяниях», – прокламировали первые историки-марксисты [9, с. 39].

Судьба даёт человеку – тем более историку – то, о чём он её настойчиво просит. Но с «прикупом». Сергей Пионтковский, выпускник Казанского Императорского университета, ученик известного историка Н.Н. Фирсова, один из

¹ О содержании и гносеологической функции понятия «культура истории» см. [7, 8].

самых блестящих во всех смыслах обществоведов 20-х годов, пал жертвой репрессий во времена «большого террора», когда господство государственной идеологии стало всеобъемлющим, а писавшие о революции с позиций ленинско-троцкистского интернационального социализма авторы оказались не только лишними, но и выглядели как опасные свидетели революционных событий и внутрипартийных схваток первого послеоктябрьского десятилетия. Поглотившее революцию superbюрократическое государство нуждалось в новом каноне.

Давид Бранденбергер усмотрел в «Кратком курсе истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова, впервые опубликованном в приснопамятном 1937-м году, кульминацию государственного «поиска удобного прошлого» [10, р. 62]. С ним солидарен Кевин Платт: «Более чем какой-либо иной труд эта книга утвердила нормативную интерпретацию российской национальной истории для сталинского периода. Изначально задуманная как обыкновенный школьный учебник, она вскоре заняла центральное место в разнообразных советских образовательных и пропагандистских кампаниях всех уровней, от средней и даже начальной школы до партийных курсов, занятий по военной подготовке и агитационных литературных кружков. При этом она оставалась основным сводом положений о предыстории советского государства вплоть до самой смерти Сталина, когда с середины 1950-х годов открылась новая эра исторического сознания и образовательной практики. Отчасти её роль можно сопоставить со знаменитым «Кратким курсом истории ВКП(б)», который в основном касался истории, приближённой к современности; появившийся годом раньше учебник Шестакова был своеобразной «суммой» ортодоксии применительно к истории древней и средневековой, пусть и не столь сакральной» [11, с. 73].

Действительно, «Краткий курс истории СССР» под редакцией А.В. Шестакова, одного из руководителей «исторического фронта» 30-х годов, явил собой паттерн редуцированной идеологической версии истории России «второго» – сталинского – большевизма. Конечно, наивно звучит сформулированная в духе «ревизионистских» концепций советологии мысль о том, что «Краткий курс истории СССР» задумывался как «обыкновенный школьный учебник», но вот получился – надо полагать – настолько удобным для власти, что стал использоваться в виде идеологического текста первого ряда. Нет, все же у классической концепции тоталитаризма были свои преимущества, её приверженцам доподлинно было известно, что это за штука такая, «обыкновенный школьный учебник» эпохи сталинского возвышенного деспотизма.

Шестаковский скрипт целеположенно конструировался в качестве первого показательного опыта тех организационно-идеологических мероприятий 30-х годов, что являлись необходимой предпосылкой «как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской науки и подъёма исторического образования в СССР, имеющих великое значение для дела нашего государства, нашей партии и обучения подрастающего поколения» [12, с. 21]. Потому-то выход в свет этого учебника был сразу представлен как «большая победа на историческом фронте», «желанный подарок к двадцатой годовщине Великой социалистической революции» [13, с. 36].

И ещё. Частица «даже», предпосланная в рассуждениях К. Платта к «начальной школе» как объекту пропагаторских кампаний на основе учебника

Шестакова¹ – с целью усилить представление об идеологической значимости этого издания, – пожалуй что дезорганизует те смыслы, какие можно извлечь из интерпретации этого вопроса, ведь шестаковский учебник как раз и предназначался для учеников младших, третьих – четвёртых, классов.

Скорее удивление должно вызывать то обстоятельство, что учебник для детей младшего возраста задействован был в больших «взрослых» делах. Но не вызывает, поелику служит выразительным свидетельством редукционистской и архаизированной рецептуры сталинской идеологии. Именно на этом примитивизированном, перенасыщенном суперлативными формами наречия, служащим каркасом новоявленной системоцентричной лингвокультуры, и должна была осуществляться идеологическая интерпелляция советских людей от мала до велика: «Мы живем в самом сильном, самом могучем государстве», и «по природным богатствам наша страна самая богатая в мире. Все что нужно для жизни, имеется в нашей стране. С каждым годом у нас больше хлеба и других товаров. С каждым годом у нас больше фабрик, заводов, школ, театров, кино. Вот почему мы так гордимся нашей страной – страной социализма» [14, с. 13].

Читатель, выросший на учебниках, сохраняющих родовые меты шедевра-37, может продолжить сам, скажем, задавшись вопросом: «А много ли есть на свете таких замечательных стран?» Ответ уже готов: «На земном шаре есть только одна социалистическая страна, это наша родина» [14, с. 13].

К. Платт полагает, что наиболее характерной чертой «Краткого курса истории СССР», «отражающей всеохватную динамику сталинского проекта выстраивания истории, было то напряжение между прочным и неколебимым статусом этого учебника и отсутствием в нём единой истолковательной модели, которое эта книга пыталась «сгладить» на фоне «совершенно непримиримых политических и историографических разногласий, сопряжённых с неутолимой, но неизбывным желанием написать историю «раз и навсегда». Ибо, по сути, быть может, единственной вещью, которая объединяла и большинство партийных историков типа Шестакова, и их противников-интернационалистов, вроде Блюма и Панкратовой, и партийных бюрократов калибра Жданова и помельче, и внутренних диссидентов в духе Кротова, была неизменная вера в наличие *единственно верной* интерпретации российского прошлого. Именно это аксиоматическое единодушие поверх дисциплинарных, профессиональных и поколенческих границ и пронизывало сталинский исторический проект, устремляя его к тому химерическому конечному синтезу, где разом были бы преодолены и разрешены интерпретативные затруднения и несообразности» [11, с. 78]. Не исключено, заключает Кевин Платт, что «именно это движение к единству и ясности исторического видения и привело проект к неизбежной фрагментации на разнородные осколки исторических нарративов, примирить которые было уже не возможно» [11, с. 78].

Относительно «неизменной веры в наличие единственно верной интерпретации российского прошлого», – а это вот как раз из арсенала адептов «школы тоталитаризма». Откуда, интересно, было взяться такой вере у «людей власти»

¹ Авторизованный перевод с английского языка Татьяны Вайзер.

и приближённых к ним «людей науки»?¹ Если во что они и верили, так это в безусловную необходимость неукоснительно следовать очередным указаниям вождя, тем более профессиональные историки осознают ли, чувствуют ли, что невозможно написать историю «раз и навсегда», – без этого просто нет профессии историка.

Опять же насчёт невозможности примирения фрагментированных исторических текстов. В гносеологическом смысле тексты истории всегда фрагментированы², что вовсе не исключает какой-либо стержневой идеи, особенно если эта идея заведомо политическая, да к тому же речь идёт об упрощённых конструкциях учебного пособия. Дело в другом. Соотношение между доктриной и идейной импровизацией в сталинском идеологическом дискурсе было очень подвижным, что отображало бонапартистскую сущность сталинского режима и что сам Сталин постоянно использовал в системе семантического управления своей идеоимперией: по «византийскому счёту» штрафные очки набирал каждый, кто брался за перо или открывал рот.

Новым шагом на пути формирования двуликого идейно-исторического канона явилось издание в следующем, 1938 году, ещё одного «Краткого курса», теперь уже по истории партии, который считался – и по праву – детищем самого Сталина. Представить себе, чтобы у предшествующего «Краткого курса» (а он после появления историко-партийного наставления был перемещён на вторые роли) имелся бы автор-триумфатор, – ну нет никаких сил. По крайней мере живой. Вот и Сталин так рассуждал. Большевик с 1903 года, широко известный в партийных кругах под революционной кличкой Никодим, Александр Шестаков без лишнего шума был в 1940 году изъят из научно-исторического сообщества и ликвидирован в самые первые дни Великой Отечественной войны в числе тех ветеранов-социалистов разных направлений, которые к этому времени ещё почему-то не получили «десять лет без права переписки».

Историкам, участвующим сегодня в ренессансе «единственно правильных учебников», не мешает помнить обо всём об этом.

Summary

V.M. Bukharaev. On This Side of Events and Facts: Ideological and Political Objectives of Educational Texts on History.

History textbooks are considered to be the stronghold of sociopolitical acculturation, representing ethnocentric mythology praised by the dominant political classes through the reflection in historical images of social contract between upper and lower strata. Special attention is given to the analysis of “History of the USSR Short Course” textbook (ed. by

¹ Образ А.М. Дубровского: «люди власти» и «люди науки» как создатели нового облика исторической науки (см. [15]).

² Режим историчности – не некая готовая реальность, а своего рода эвристический инструмент: историческое время распадается «на множество частичных, локальных или специфических времен, потому что не только каждый процесс, но также и каждая практика, которую выбирает для изучения историк, оказываются носителями собственной темпоральности или, лучше говоря, от неё неотделимы. Так что тонкая социальная история не состоит без учёта этих множественных темпоральностей и эффектов, возникающих в зазорах между ними: на всех этапах обнаруживаются и современное и несовременное или, более того, современность несовременного. Поле истории становится полем размножившихся, а то и разлетевшихся на куски темпоральностям», но при этом «остаётся внешний эталон (календарное, астрономическое время), который измеряет каждую из них» [16, с. 25].

A.V. Shestakov) published in 1937. This textbook, being the first sample of the reduced version of Russian history, was incepted as an extremely important instrument of ideological interpellation of all layers and generations of population in conditions of Soviet ideocrata.

Key words: perception stereotypes, historical knowledge pragmatics, political-historical mythology, “the great narrative”, etactratic and ethnocentric concepts, Soviet ideocracy, Bonapartist essence of Stalinism, conception of totalitarianism, “great terror”.

Литература

1. Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. – М.: Кругъ, 2006. – 768 с.
2. Хряков А. Историки при национал-социализме: жертвы, попутчики или преступники (к оценке современных дебатов в немецкой исторической литературе) // Новое лит. обозрение. – 2005. – № 4. – С. 47–66.
3. Филиппов А.В. Новейшая история России. 1945–2006 гг.: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 2007. – 494 с.
4. Филиппов А.В. Новейшая история России. 1945–2006 гг.: Учебник. – М.: Просвещение, 2007. – 340 с.
5. Геллнэр Э. Нации и национализм. – М: Прогресс, 1991. – 285 с.
6. Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art (über Geschichte nachzudenken) // Rüsen J., Fußmann K., Grütter H.T. (Hg.) Historische Faszination. Geschichtskultur heute. – Köln-Weimar-Wien, 1994. – S. 3–26.
7. Вашик К. Представление исторического знания и новые мультимедийные технологии. – М.: АИРО–XX, 1999. – 128 с.
8. Пионтковский С.А. Что читать по истории России. – М.: Молодая гвардия, 1931. – 102 с.
9. Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2002. – XV+378 p.
10. Платт К.М.Ф. Репродукция травмы: сценарий русской национальной истории в 1930-е годы // Новое лит. обозрение. – 2008. – № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/pl17.html>.
11. К изучению истории: Сб. – М.: Изд-во Высш. парт. шк. при ЦК ВПП(б), 1946. – 46 с.
12. Большая победа на историческом фронте // Ист. журн. – 1937. – № 2.
13. История СССР. Краткий курс: Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. проф. А.В. Шестакова. – М., 1937. – 220 с.
14. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). – Брянск: Изд-во Брян. ун-та, 2005. – 800 с.
15. Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое лит. обозрение. – 2007. – № 1. – С. 8–19.

Поступила в редакцию
18.09.08

Бухараев Владимир Миннетович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.

E-mail: Sovetnik101@yandex.ru